

5 мая 1938 г., № 58 (464)

Москва

Газета №...

«Паны дерутся...»

Есть в паутине московских переулков дикие названия — Казенный, Петров-ригский, Спасо-Надворный... Просто соответствующим райсоветам недосуг было до сих пор переименовать эти переулки, дав им более созвучные нашей современности названия... Это понятно. Но когда старое, изжившее себя название упорно, вопреки житейским бурям, сохраняется на фронте почтенного московского театра, — это вызывает законное недоумение.

Двадцать два года назад режиссер Таиров основал театр на Тверском бульваре, назовя его «Камерным». В этом названии таился определенный смысл — был создан театр не массовый, а для избранной публики, театр для эстетов, гурманов, любящих смаковать экзотические тонкости и нюансы. С тех пор театр проработал сложный путь, порою приближаясь к нашей современной советской действительности. Значительно изменился состав его актеров, метод организации репертуара. Во всяком случае это неоднократно декларируется в чрезвычайно интересных речах, которые А. Я. Таиров — несравненный мастер этого жанра — произносит на всякого рода диспутах, дискуссиях, совещаниях. Но только одна подробность осталась в творческой биографии театра неизменной на протяжении всей эпохи его существования — название «Камерный»...

Находились наивные люди, которые не только верили в действительность объявленной А. Я. Таировым на словах «перестройки», но склонны были даже посылать другим театрам нашей страны это «умение перестраиваться» в поучительный пример. Так, например, бывший председатель Комитета по делам искусств П. М. Керженцев во время дискуссии о формализме, т. е. за несколько месяцев до происшествий с «Богатырями», восторженно отзывался о перестройке Камерного театра, поставив его всем в образец.

Такой спектакль, как «Оптимистическая трагедия», явился эпизодом в истории Камерного театра. В области наиболее близкого для себя жанра музыкальной комедии Камерный театр не сумел создать ни одного удачного советского спектакля. Единичные попытки включить в репертуар злободневные новые пьесы оказывались на деле просто усилиями театра «заплатить лане времени» и художественным успехом не сопровождались («Неизвестные солдаты», «Линия огня», «Укрощение мистера Робина» и т. д.).

О постановках вроде «Патетической симфонии» и вспоминать не хочется.

Было еще одно качество, которым славился Камерный театр. Мало где директорское единовластие было возведено в такую нерушимую, святу догму, как в театре, которым руководит Таиров. Нигде понятие критики и самокритики в производственной жизни театра не было так выхолащено, как в Камерном театре. «Премьерство», зазнайство, пренебрежение к творческим запросам отдельных актеров и всей труппы ради выдвигания одного-двух «ведущих» актеров, взгляд на актера, как на одушевленный марионет, обаянный слепо выполнять любое предписание режиссера, — все это вошло в плоть и кровь «системы» Камерного театра. Немудрено, что за все время своего существования Камерный театр не воспитал ни одного своего актера, режиссера, не создал ни своего метода, ни своей школы.

Когда после постановки «Богатырей» наша общественность резко и справедливо осудила творческую практику Камерного театра, А. Я. Таиров не нашел иных средств для перестройки, кроме расправы со всеми теми, кто осмелился выступить против таировского метода руководства. Так, из театра должны были уйти актеры Аркадий, Фенин. Других актеров, без всякого основания изгнанных из Камерного театра, возвратил в труппу советский суд. В области перестройки репертуара Таиров проявил после «Богатырей» только растерянность и отсутствие всякой творческой инициативы.

В прошлом году по постановлению Московского управления по делам искусств произошло слияние Камерного театра с Реалистическим театром. Любопытно, что при этом на фронте нового объединенного театра не появилось названия, которое гово-

рило бы о реалистическом методе нашего театрального искусства, а сохранилось старое название «Камерный». Впрочем, дело отнюдь не в названии, а в том, что произошло после объединения двух советских театров.

Издано было соответствующее постановление, даны были сроки для завершения «слияния», и этим, в сущности, ограничились все административные меры по объединению театров. Художественный руководитель Камерного театра остался на своем месте, а бывший руководитель Реалистического театра был назначен его заместителем. Сохраняя правила приличия (а традиции внешнего приличия — самые незыблемые в Камерном театре), оба художественных руководителя на первом же производственном совещании декларировали свое стремление к «дружному сотрудничеству».

Декларации быстро отавучали и сейчас забыты. А начинавшая будничная работа в театре говорила о чем угодно, но только не о тесном сотрудничестве руководителей. Среди объединенной труппы никаких разногласий, явлений групповщины, разобщенности не было. Все актеры хотят работать, работать энергично, много и плодотворно, но Таиров и Охлопков никак не могут между собой договориться и установить деловой контакт. Актеры хотят знать о творческом методе театра, в котором они работают. Однако на эту тему ни Таиров, ни Охлопков им ничего не говорят.

С начала сезона установилась в Камерном театре практика «раздельных» спектаклей. «Дума о Британке» считалась спектаклем Камерного театра, — ее ставил Таиров (заним в спектакле и ряд актеров из Реалистического театра), — но Охлопков, заместитель художественного руководителя, ни на одну черпковую, прогонную или генеральную репетицию спектакля не явился. «Кочубей» считался спектаклем быв. Реалистического театра, — его ставил Охлопков, — а художественный руководитель театра Таиров в постановочный процесс не вмешивался, на репетиции не ходил, спектакля даже не принимал (что уж совершенно недопустимо для руководителя, отвечающего за художественную линию театра). Впрочем, труппа театра знала, что Таиров принимает целый ряд закулисных мер для того, чтобы спектакль «Кочубей» совсем не увидел света рампы... «Очная ставка» снова считалась постановкой Камерного театра, и Охлопков опять на репетициях не появлялся.

Ясно, что оба руководителя театра не могут работать вместе, что сам факт объединения театров они рассматривают как «случившееся несчастье» и стараются изо всех сил друг друга... «подсидеть». Пока «победителем» не вышел ни один из них, зато руководимая ими труппа изрядно пострадала от этой, вначале тайной, а в последнее время уже открытой беспринципной борьбы обоих художественных руководителей театра. Это начинает сказываться и на производстве. Уже больше полутора месяцев после выпуска «Очной ставки» в театре не репетируется ни одна пьеса. В труппе начинают складываться группы и группочки. Все понимают, что такое дикое положение вещей продолжаться не может; актеры преисполнены тревоги о будущем, самые малодушные из них боятся, как бы после ухода одного из худруков из театра другой не расправился по-своему с негодными ему лицами.

Нельзя допустить, чтобы из-за беспринципной, вадорной распри двух неумелых руководителей страдали интересы крупного советского театра.

Я. ВОРОБЬЕВ.